

ОСОБЕННОСТИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ КЫРГЫЗСТАНА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

К.А. Ларионов

Рассматриваются процессы реформирования социально-политической структуры Кыргызстана в рамках демократической и правовой моделей общественного бытия с возможностью существования гражданского общества. Показаны причины трудностей в становлении национальной политической элиты в стране.

Ключевые слова: политические процессы; политический ресурс; политическая элита; социальные процессы; самоопределение; мировоззрение народа; стратегия развития страны; видение (будущего страны); миропонимание; народ; этнос; программы развития страны.

Двадцатилетняя история суверенитета Кыргызской Республики обозначила процессы, которые в течение семидесятилетнего Советского периода не рассматривались в качестве приоритетных, так как были либо не актуальны, либо имели латентный характер. Условно их можно дифференцировать по двум основаниям: процессы, формирующиеся и происходящие внутри страны, и процессы, происходящие в результате взаимодействия с другими странами. Рассмотрение указанных процессов и причин, которые их порождали, позволит понять, что же представляет собой Кыргызстан сегодня и как избежать возможных негативных последствий. Обозначаемая проблематика исчерпывающе может быть

рассмотрена и раскрыта в рамках диссертационной работы или монографии. Однако автором предпринята попытка всего лишь обозначить наиболее общую картину тех явлений, которые влияют на развитие Кыргызстана сегодня.

Заявив о своем государственном суверенитете в 1991 г., республика столкнулась с рядом опасных политических и социальных явлений: на чем должны основываться коммуникации между властью и обществом, как обеспечить внутреннюю устойчивость, каков должен быть дальнейший путь Кыргызстана и какое относительно этого есть представление у наиболее влиятельных авторов страны, какие ценности должны стать приоритетными и т.д.? С обретением суверенитета

у Кыргызстана в качестве полноправного политического игрока во внешнем направлении не было опыта в ведении самостоятельной (независимой) политики при принятии политических решений и несении ответственности за определенные действия. Это объяснялось, в частности тем, что за 70 лет существования в рамках Советского Союза не было сформировано политической элиты, имеющей представление о политическом курсе страны и стратегии ее развития. Более того, за почти 15-летнюю историю государственности не образовалось таких общественных институтов, как Think thank или учреждений, которые в новых условиях существования республики, с новым ценностными доминантами, могли бы дать оптимальные рекомендации государственным структурам, принимающим решения, а также взять на себя ответственность в формировании политической элиты. Более того, властные структуры растрачивали свой политический ресурс на реализацию интересов, прямо не касающихся страны, что в итоге стало естественным образом ставить под сомнение ее легитимность перед обществом. Вследствие неспособности лицами, принимающими решения, понимать, на каком этапе развития находится Кыргызстан, его развитие формировали силы, которые с одной стороны, не являлись легитимными политическими структурами, с другой – имели совсем иное видение, нежели этого требовало стабильное развитие страны. Отбросив социокультурную и политическую модели своего недавнего прошлого в составе союзных республик, Кыргызстан стал ориентироваться на модели и видения политического курса ведущих (развитых) стран. В результате такой отчужденности и непонимания сложных процессов, происходящих внутри страны, власть все больше теряла доверие со стороны общества, которое, по сути, говорило о том, что кризис управления станет актуальной проблемой, поставив под сомнение эту власть [1,2]. Поэтому видение реформирования социально-политической структуры страны в рамках демократической и правовой моделей общественного бытия в перспективе с возможностью существования гражданского общества стало подобно идеалу, реальное оформление которого откладывалось на неопределенный срок.

В новом своем статусе Кыргызская Республика, оказавшись, по сути, в культурном вакууме, стала выбирать свой путь развития, где традиционные ценности и глобализационные процессы срачивались в единое целое. При этом приоритет, в конечном итоге, отдавался первому, как наи-

более адекватному кыргызской культуре. Этот процесс был назван В.Б. Богатыревым “самоопределением” кыргызского народа [2]. Он проходил в большей степени на интуитивном уровне. По крайней мере, рационального его осмысления в виде стратегии развития страны или национальной идеи не произошло. Как известно, народ образуется по одному из двух сценариев: либо консолидация общественных групп происходит относительно “образа врага”, который видится в лице иной социальной группы или групп, либо в обществе появляется общее видение будущего, которое формируется элитами в решениях по развитию страны. Ввиду того, что у формирующегося кыргызского народа не было четкого видения будущего и тем более отсутствовала институциональная прослойка, которая претендовала бы на статус элиты, самоопределение и самосознание стали развиваться по первой сценарию [3]. Это выражалось в социальной незрелости самого кыргызского этноса, несмотря на его длительную историю [4]. Деление по региональному или родовому признаку явно свидетельствовало о том, что в самосознании этноса присутствуют элементы, не свойственные процессам, которые были представлены в странах, определяющих тенденции развития человечества. Возможно, базисом, на котором строилось рефлексивное отношение к самим себе, было основано на архетипах, хранящихся в культурной памяти кыргызов. По их складу они были в большем своем проявлении отнесены к мировоззрению, которое формировалось при кочевом образе жизни. Такое видение определяло “искание” кыргызов как народа. Последствия такого искания, в смысле самоопределения, по сути, привело к конфликту с другими общественными группами. Этот конфликт происходил на уровне неоднозначного отношения к самим себе и окружающему миру, или к пониманию складывающихся отношений при кочевом и оседлом образе жизни. Оказалось, что такую культурную память у этноса сложно уничтожить. В данном случае можно с уверенностью сказать, что различное отношение к миру оказалось намного важнее при руководстве к действиям этих социальных групп, нежели какие-либо другие основания, в том числе и религиозные. Данное положение подкрепляется частными случаями. Наиболее ярким примером выступает конфликт между узбекским и кыргызским этносами, которые, как известно, являются последователями ислама и довольно длительное время проживали в этом качестве, соседствуя друг с другом. Однако интерпретация религиозных убеждений

оказалась разной. По этому поводу можно сделать заключение, что как для одного, так и для другого этноса, в процессе обострения конфликта религия не стала универсальным инструментарием в понимании окружающей действительности, а выступала лишь в качестве обоснования существования народа, а также способа его самовыражения, но никак не сущности мировоззрения [5].

Если говорить о том, что в основе мироощущения кыргызов лежат знаковые формы, заложенные и понимаемые при их кочевом образе жизни, то отсюда становится более понятным их поведение и отношение к окружающей действительности. Согласно этому мироощущению, свойственному кочевникам, человек, соизмеряя себя с природой, выступает по отношению к ней частью целого. Для него временные рамки теряют свою необходимость в результате того, что движение времени воспринимается не линейно, а циклически, и его миропонимание всецело ориентировано на бытие в пространстве. Кочевник подчинен ходу истории, живет по ее течению и подчиняется ее ходу [6]. Ему не чуждо приспособляться к новым условиям жизни. В то же время вмешательство в этот естественный процесс, являющийся важной основой мировоззрения земледельческой цивилизации, он расценивает как грубое осквернение сакральных и священных принципов, когда часть стремится заместить собою природу и вынуждает его восставать против того, кто нарушает этот процесс [7]. Это лишний раз демонстрирует, что даже в эпоху глобализации различное мироощущение того или иного народа не может в короткие сроки нивелироваться и адаптироваться под влиянием новых универсальных ценностей.

Что касается взаимодействия с другими государствами, на протяжении всей истории суверенитета республики у Кыргызстана в этом вопросе не было четкой позиции. Это вытекает из отсутствия видения государства, его будущего и настоящего, понимания себя как равноправного субъекта межгосударственных взаимоотношений [2, с. 155]. Кроме того, как было указано выше, отсутствовала та прослойка, которая могла бы реализовать чаяния кыргызского народа. Любое построение стратегии развития страны изначально было обречено на провал, поскольку оно формировалось узким кругом лиц, не имевших представления о видении этой проблемы самим обществом. Представления, которые можно охарактеризовать как видение счастливого будущего, подменялись моделями и программами

экспертов, предлагавших псевдообщественные стратегии. Их метафизичность, чуждая обществу, незнание стратегии развития страны обрекло эти проекты на провал. Отсюда явно следовало, что, по сути, те, кто моделировал будущее сообщество, претендуя на построение стратегии и, в конечном счете, будущего страны, оказались не готовыми взять на себя подобную ответственность. Данное видение построения государства поэтому формировалось в удачных программах и проектах другими лицами, из других стран, которые видели Кыргызстан зоной реализации своих интересов. Быть может, еще одна важная ошибка экспертного сообщества заключалась в том, что оно не могло реально оценить положительный и отрицательный вклад других стран в развитие нашей республики или, по крайней мере, повлиять должным образом на негативные тенденции. Эти проекты видения будущего Кыргызстана можно отнести к тем государствам, которые реально претендуют на влияние и превосходство в Центральной Азии. По этому поводу необходимо выделить наиболее важные программы, обозначенные влиятельным экспертом В.Б. Богатыревым, которые формируют, по сути, развитие страны [8]:

1. Китайский проект. Для него Кыргызстан является “окном” в Азию и стратегическим плацдармом в игре под названием “геополитика”. Поэтому в последнее время Центральная Азия рассматривается в качестве региона, в отношении которого существуют некоторые интересы Поднебесной. Привлекательность состоит еще и в том, что Кыргызстан обладает некоторой совокупностью ресурсов, в которых нуждается или будет нуждаться Китай. Также борьба за влияние в Центральной Азии ведется с целью воспрепятствовать осуществлению проектов или программ конкурентов.

2. По Российскому проекту, Кыргызстан расценивается, с одной стороны, как препятствие распространению экспансии Китая и арабо-мусульманского воздействия, с другой – как противостояние другим проектам. Преимущество по отношению к последним, заключается в том, что социокультурная среда Кыргызстана положительно воспринимает его элементы, ввиду тесного взаимодействия на протяжении длительной истории. Облегчает осуществление этого проекта и то, что медиа-пространство Кыргызстана находится под влиянием российских информационных источников, контролируя тем самым общественные процессы страны. Суть

Российского проекта заключается и в том, что Центральная Азия является регионом доминирования Российской Федерации.

3. Кыргызстан для США расценивается как удобная база для контроля над Центральной Азией, а также в качестве плацдарма для наступательных операций на страны, которые вызывают интерес у США. С одной стороны, зависимость Кыргызстана основывается на крупных экономических вливаниях США, с другой – на зависимости, основанной на использовании информационных технологий, которые скрытым образом могут влиять на социальные процессы, происходящие внутри республики, а также на принятие политических решений [9]. Распространение “западных” ценностей посредством естественных глобализационных процессов и построение демократической модели общества способствуют сдерживанию влияния исламского проекта в интересах Запада.

4. Исламский проект ставит своей целью превращение Центральной Азии в регион с преобладанием арабо-мусульманских ценностей. С периода становления ислама Центральная Азия расценивалась как область интересов халифата. Такое видение перешло и к современным проектировщикам данного видения. Его основной функцией является консолидация народов региона под знаменем ислама. Этот проект, в свою очередь, противопоставлен западным ценностям и процессам глобализации. Все активнее арабские страны начинают прибегать к механизмам внедрения мусульманской культуры через технологии массовой культуры. В этой связи ислам из ортодоксального вероисповедания превращается в доступную для объяснения окружающей действительности религию, которая приобретает успех в обществе, в виде новомодной тенденции.

Таким образом, Кыргызстан, ориентированный на суверенное существование, столкнулся с большим числом вызовов, угроз и нерешенных проблем [10]. Перспективы его дальнейшего ста-

новления во многом зависят от интересов внешних игроков. Внутренние процессы, складывающиеся сегодня, будут способствовать дальнейшему росту самосознания кыргызского общества, появлению новых отношений между различными социальными институтами. Постепенно должна сформироваться политическая элита, которая и определит развитие страны. Однако в этот процесс будут вовлечены интересы других государств, которые будут оказывать на него сильное влияние. И чем раньше в Кыргызстане сформируются политические элиты как независимый институт, тем в большей степени от них будет зависеть автономное развитие нашего государства.

Литература

1. *Богатырев В.Б.* Власть и общество: существование в разных мирах // <http://www.ipp.kg/ru/> (16.02.2011)
2. *Богатырев В.Б.* Роль элит в принятии политических решений // <http://www.ipp.kg/ru/> (16.02.2011)
3. *Переслегин С.* Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М., 2005.
4. *Богатырев В.Б.* О новой Кыргызской оппозиции // <http://www.ipp.kg/ru/> (16.02.2011)
5. *Богатырев В.Б.* Идет активный процесс мифотворчества вокруг Кыргызстана // <http://www.ipp.kg/ru/> (16.02.2011)
6. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. М., 1996.
7. *Урманбетова Ж.К., Абдрасулова С.М.* Истоки и тенденции развития кыргызской культуры. Бишкек, 2009.
8. *Богатырев В.Б.* Центральная Азия – это не место интеграции и регионализации, а место геополитического разлома // <http://www.ipp.kg/ru/> (16.02.2011)
9. *Бжезинский З.* Великая Шахматная доска / Пер. с англ. // <http://www.koob.ru/25%rht/sdre/html>. (05.2010 г.)
10. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики // <http://state.kg> (10.01.2011)